

Сама не знаю, почему,
но я тебя не помню.
Иду по следу твоему,
И не сойти с него мне.
За снегом не видать звезды,
А ночь сменяет вечер.
Скрывает волчьи снет следы,
Скрывает человечьи.
Но сквозь беспмятство и тьму,
Отверженной и слабой,
Иду по следу твоему,
Переставляя лапы.

ЕФИМИЯ ЛЕТОВА

Иду
по следу
твоему

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л52

Иллюстрация на переплете *Ю. Миронова*

Иллюстрации в тексте *Е. Лукомской*

Летова, Ефимия.

Л52 Иду по следу твоему / Ефимия Летова. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-242724-4

Дорого заплатила Лу из Клана Багровой Луны за краткосрочное беспамятство после первого оборота! Послушная дочь, она должна была заключить брачный союз с сыном альфы соперников. Но вместо первой брачной ночи получила заточение в клетке, а её клановая метка исчезла...

Ведец Вельм ненавидит двуликих верфов, много лет назад убивших его любимую жену. Ненавидит волков, несмотря на то, что вот уже два десятка лет живёт в лесной избушке. И всё же однажды в его жизнь врываются странная волчица и не менее странная девушка...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ефимия Летова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-242724-4

ГЛОССАРИЙ

Альта — сутки от одного рассвета до другого.

Ардха — истинный (–ая) у оборотней-дайрэ.

Арш — мера длины, равная примерно полутора метрам.

Белтяга — мелкий пушной грызун, обитающий в лесу.

Вапара — божественная покровительница дайрэ (или верфов, оборотней).

Верфы — оборотни (самоназвание — дайрэ).

Кусдаг — божественный покровитель людей (или мёрзлых, двуногих).

Междулесье, или Серая Зона — полоса нейтральной территории, разделяющая владения людей и дайрэ.

Оголтелые — оборотни, вкусившие человеческой плоти (самоназвание — сангии), дайрэ с трансформированным волчьим обличем, отличаются повышенной силой, выносливостью, агрессивностью.

Светень — стеклянный светильник.

Соула — шаманка и целительница клана дайрэ.

Щепоть — мера времени, одна щепоть — около пяти минут.

Пролог

Пятнадцатое зимнее альта 134 года

Девушка была мертва.

В этом не было никаких сомнений. Вельм опустился на рыхлый снег, пропитавшийся красным, и приложил два пальца к жилке на шее — ничего. Впрочем, неудивительно: обнажённую спину, залитую кровью, явно насквозь пронзила тяжёлая стрела с дивным чёрным оперением — длинные, словно покрытые лаком перья казались острыми, как лезвия. Сперва Вельм брезгливо, с отвращением коснулся гладкого смертоносного древка и только потом — шеи убитой девушки, сдвинул в сторону чёрные пряди — влажные, слипшиеся, снег под девушкой подтаял от крови. Кровавый след тянулся по снегу несколько аршей, вероятно, сколько-то щепотей она сумела проползти.

Кожа её была бледной до синевы, но ещё горячей. Не тёплой, а горячей, лихорадочно-жаркой. Сколько она успела пролежать здесь, в снегу, обнажённая? Кровь на груди уже запеклась.

Тело должно было остыть, хоть немного.

Вельм покачал головой. Преследуя совейра, как окрестили деревенские вороватую нечисть, не брез-

ИДУ по следу твоему

гующую, судя по всему, людоедством, он опрометчиво забрёл дальше, чем обычно, и никаких встреч не ожидал. Серая Зона — густые, совсем дикие хвойные леса — разделяла исконные обжитые территории людей и проклятые земли верфов.

И тем и другим путь сюда был заказан.

Стоило оставить девушку здесь. Копать стылую землю ради безымянного трупа на закате — дурная и просто бессмысленная идея. Вельм давно понял, что бесплатное благородство не имеет никакого смысла. У него с собой ни лопаты, ни плоскореза, ни кирки, максимум, что он может сделать, — завернуть её тело в плащ.

Впрочем, для зубов хищников плащ помехой не станет.

Но она была такой горячей...

На несколько аршей вокруг не было никаких человеческих следов, только кровавая полоса, едва различимая в полумраке, а ещё стёртые волчьи следы. Почему же девушку не тронули? Возможно, это он спугнул мерзких хищников.

Вельм не любил волков.

Ведец снова покачал головой, бросил котомку прямо на снег, стянул перчатки и осторожно перевернул девушку на бок. Так и есть — стрела прошла насквозь и как минимум проткнула лёгкое, грудь не вздымалась, не было слышно даже слабого хриплого дыхания... Вероятнее всего, было задето и сердце, неведомый убийца своё дело знал. Раздел жертву — Вельму даже не хотелось думать, для чего, — и погнал её сюда. Понимал, стервец, что здесь найдут её нескоро, не боялся гнева богов и людского суда. Ведец взялся двумя пальцами за влажный от крови

наконечник, прикрыл глаза, сосредоточился, дожидаясь ответа от дерева, и с хрустом обломил. После чего снова осторожно положил девушку на снег лицом вниз и резким движением выдернул гладкое древко стрелы.

Девушка мертва, ей это уже не повредит. Стрела же, очевидно, проклята, он чувствовал — что-то с ней не так. В таком случае стоило как можно быстрее от неё избавиться — проклятый предмет может отравить землю на несколько аршей вокруг.

...Кровотечения не было. Обломки стрелы Вельм сложил в котомку — вернётся домой и сожжёт по всем правилам.

Руки ведца легли на завязки плаща на шее, и в этот момент тело девушки прошила судорога, она захрипела, выгнулась дугой и открыла безумные глаза с ярко-жёлтыми, как показалось ему на миг, склерами и неестественно огромными чёрными зрачками.

Вельм отшатнулся, но девушка уже обмякла, подтянув колени к груди, смежила веки. Несколько секунд мужчина смотрел на неё, настороженный, готовый как к бою, так и к отступлению. Потёр застарелые шрамы на щеке, как всегда, напомнившие о себе неприятным зудом в минуты полнейшей растерянности. А потом наклонился, стянул-таки плащ и завернул в него девушку. Не без усилий взвалил её на плечо — возможно, следовало обращаться с раненой бережнее, но раз уж ни стрела в груди, ни её грубое извлечение не помешали ей выжить...

Вельм шёл, проваливаясь в снег по колено, чувствуя, как хитрые глазки совейра буравят его спину. Сегодня твари несказанно повезло, и, возможно, она была достаточно разумна, чтобы понимать это.

ИДУ по следу твоему

* * *

Не снятые должным образом с двери защитные чары лопнули, как слишком плотная паутина, с жалобным, только ему слышимым треньканьем. Вельм подошёл к кровати и уложил на неё свою пылающую жаром ношу, предварительно сдвинув в сторону лоскутное одеяло. Его не слишком-то волновала чистота и сохранность простыни и пододеяльника, а вот одеяло шила Дара, и это была единственная её вещь, которую он взял с собой из прошлой жизни в новую. Память о ней.

Потряс круглый стеклянный светень — заговорённая жидкость внутри недовольно вспыхнула белым холодным светом. Не удовлетворившись этим, зажёл ещё пару свечек — в комнате резко запахло дешёвым воском, зато стало светлее.

Неожиданную находку стоило рассмотреть.

Прежде всего — рану. В ранах и целительстве он был не великий знаток, но даже если по какой-то счастливой случайности стрела не задела сердце... После той грубой процедуры извлечения стрелы живая девчонка должна была истечь кровью. Надо бы промыть, обработать... Но две круглые раны, под левой грудью и между лопаток, затянулись ещё там, в лесу, к возвращению домой покрылись плотной и сухой бордовой коркой, и он мог бы поклясться памятью Дары, что никакого воспалительного процесса под ними нет.

Удостоверившись, что девушка дышит, он рассмотрел её всю. Совсем молоденькая, худощавая, но тело сильное, не изнеженная городская барышня — и в то же время кожа чистая, без синяков, царапин и ссадин.

Чёрные густые волосы идут волнами, тёмные брови чётко очерчены — опять же, редкость для деревенских. Развитая грудь... Вельм отвёл взгляд и накиннул одеяло — не то, обычное — на обнажённое тело. За исключением жара, впрочем, не проступившего, как оно водится, красными пятнами на щеках и лбу, девчонка теперь казалась совершенно здоровой, его чутьё подтверждало это.

...И этого просто не могло быть.

Если она каким-то чудом выжила со стрелой в груди, он, Вельм, должен был добить её своим глупым, безотчётным порывом уничтожить проклятую стрелу. Впрочем, возможно, её берегло проклятие, а в том, что девушку прокляли, он не сомневался, её конвульсии после извлечения стрелы подтверждали догадку. Заговорённая стрела одновременно и убивала жертву, и парадоксально берегла от смерти по иным, сопутствующим причинам — от переохлаждения или заражения. Он слышал о чём-то таком.

Вскоре огонь безмятежно потрескивал в очаге, наполняя теплом его маленький крепкий дом. Вельм вскипятил воды и выпил пустого чаю, обжигаясь и почти не чувствуя терпкого вкуса заваренных трав. Хитрую и наглую нечисть, повадившуюся потрошить курятники добродревцев почище самой изворотливой лисицы, следовало изловить в самое ближайшее время и получить за это награду — он поиздержался за время зимовки. Несмотря на пристрастие к отшельническому образу жизни, Вельм ценил бытовой комфорт. Поленья в костре, светни, хорошая еда и тёплые половики на полу, пусть даже давно немывтом... Вельм покосился на тонкую руку девушки, заострённые, но чистые ногти, подкрашенные красным. Пожалуй, она

Иду по следу твоему

из хорошей семьи, и, если он сможет её выходить и узнать, откуда она, счастливая родня отблагодарит сполна.

Вельм пробежался по слегка обледенелой дорожке до банной пристройки, натопленной заранее, вылил на голову несколько вёдер воды, чередуя ледяную и тёплую: перед тем, как основательно заняться девушкой, следовало смыть накопившуюся за день усталость. Не одеваясь, а только обвязав вокруг бёдер льняное полотенце, торопливо вернулся обратно. Он любил прохладу, а сейчас холод был ему просто необходим — с девушкой медлить не стоило. Кто знает, не пойдёт ли процесс её самоисцеления вспять.

Склонился над кроватью, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, сосредотачиваясь.

Попытался почувствовать отклик заключенного в её теле чужеродного чаровства, хранящего и губительного...

Девушка резко открыла глаза, на этот раз без ядовито мерцающей желтизны, но словно затянутые тусклой матовой мутью.

— Привет, — тихонько, чтобы не напугать, сказал Вельм. — Не бойся. Я...

Он не успел договорить. Она села на кровати, одеяло сползло до живота. Вряд ли девушка сделала это специально, двигалась она сейчас, как механическая кукла, но он неосознанно бросил взгляд на её грудь — и упустил момент. Девчонка подалась к нему, обхватила руками за шею и прижалась горячими влажными губами к его шее.

Вельм ошеломлённо застыл, упустив несколько десятых долей щепоти, а она уже выбралась к нему вся целиком. Шумно втянула носом воздух, жадно прове-

ла горячим влажным языком по коже, а затем ловкие тонкие, но сильные руки пробежались по спине, плечам, груди, бокам, стянули льняную преграду ткани.

— Эй! Эй, ты... — Вельм безуспешно пытался её оттолкнуть, ожидая подвоха. Но что она может сделать ему, не вцепится же в горло?! К тому же есть большая разница — отшвыривать прочь злостного врага, не заботясь, куда отлетит его туша и во что врежется, или же гнать ласкающую тебя женщину. Узкие пальчики погладили беззащитный живот, спустились ниже... Когда он в последний раз был близок с женщиной? После ярмарки в Дартаре, весной. Кто это был? Он уже и лица той девки не помнил. Весной! Прошло больше полугода.

Умом Вельм понимал, что потерявшую рассудок и память девчонку с проткнутым не далее как пару десятков щепотей назад лёгким следует немедленно остановить. Он видит её в первый и, вероятно, в последний раз! Вельм честно собирался это сделать... И позорно, малодушно поплыл, растёкся, точно воск от пламени. Опустился на кровать — и она оседлала его, упругими губами обхватив его сухие обветренные губы.

Внизу её живота темнела вязь татуировки — бордовый круг.

Девушки из хороших семей такие не делают...

Она была изумительна, сладкая на вкус, красивая, отчаянная, продолжала гладить и целовать, и он, проклиная себя в редкие мгновения просветления, потянул-таки её на себя.

Девушка не возражала, наоборот, раскрылась сама, нетерпеливо хныкая, выгибаясь навстречу. И только когда она тоненько всхлипнула, дёрнувшись, точно

Иду по следу твоему

лопнувшая давешняя защитная паутинка, заподозрил неладное, отодвинулся — и тихо, смачно выругался, увидев тонкую струйку крови на внутренней стороне бедра.

Да как так...

Обзывая себя сволочью, кобелём, последним мерзавцем, Вельм со стоном сдался чувственному мороку. Девушка до боли сжала его плечи, впиваясь ногтями в кожу, и вдруг вцепилась зубами в его предплечье, прокусывая до крови кожу, откинула голову, подставляя шею. Совершенно неожиданно он испытал абсурдное желание укунить её в ответ, почувствовать сладко-солёный привкус её крови во рту. И если бы он, Вельм, не отключился на мгновение от давно забытого ощущения единения с другим существом, он увидел бы вновь проступившую животную желтизну её широко распахнутых, затуманенных мороком глаз.

Глава 1

Шестнадцатое зимнее альта 134 года

Ямчалась по Междулесью, прижав уши, отталкиваясь всеми лапами от рыхлого снега, из-за тревожного напряжения не ощущая усталости или слабости, естественных для впервые полноценно обернувшейся дайрэ. Страшно было даже представить, какотреагирует на моё долгое беспричинное отсутствие отец. Надеюсь, представители клана Чёрного Когтя ещё не прибыли.

Брачная церемония должна была состояться после заката, а сейчас всего лишь миновал рассвет — серый, зимний, тусклый.

«Как ты посмела!» — прорычит отец.

«А я тебе говорила!» — заплачет мать.

И в этот раз я должна была признать, что они будут правы. Я и не собиралась выбегать за пределы территории клана, хотя подобралась почти к самой границе с Междулесьем. Это тоже не приветствовалось, особенно для молодых дайрэ. Но в тот момент, в один из самых важных моментов жизни, мне хотелось остаться одной, новообретённая сила бурлила в крови.

Вряд ли ещё когда-нибудь появится такая возможность.

ИДУ по следу твоему

Мой первый полноценный, полновесный оборот произошёл позавчера. Хотя такое никогда не предскажешь, обычно он случается гораздо раньше, старший брат, например, обернулся в двенадцать лет — и ко дню своей свадьбы полностью контролировал себя. Я же справила девятнадцатилетие однобокой, одноликой. Отец презрительно хмурился, мать жалела, отводила глаза.

Пожалуй, верила в меня только Шайтана, дочь Аширэ, соулы клана Багровой Луны. Она же клеймила меня раскалённой иглой через три полнолуния после прихода первой лунной крови, она учила меня силе, она рассказывала о дайрэ. От неё я узнала, что в первое время после смены двуногой ипостаси на четверолапую, подлинную, дайрэ особенно уязвимы и не должны уходить далеко от дома. Всякое может случиться — животная сторона натуры берёт вверх, а в лесах полно обычного дикого зверья, слепая погоня за которым может плохо закончиться.

Далеко я и не собиралась — владения Багровой Луны обширны, есть куда бежать. Как я оказалась в Междулесье? Где провела почти половину дня? Дайрэ чувствительны ко времени. Что со мной происходило?

Ничего не помню.

Разве это нормально?

Но теперь я чувствовала себя... потрясающе. Куда лучше, чем в самом начале, когда я путалась в четырёх лапах и дурела от необычайно обострившихся запахов снега и шастающих под ним полёвок, будто щенков. Едва уловимые прежде звуки оглушали, цвета казались неоправданно резкими, мир косился и кренился то в одну сторону, то в другую. Теперь же я летела стре-